

Марина
Важова

СЕМЬ
МУЖЕЙ
СИНЕГЛАЗКИ

сказка-быль

Марина Важова

**Семь мужей Синеглазки.
Сказка-быль**

«Издательские решения»

Важова М.

Семь мужей Синеглазки. Сказка-быль / М. Важова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-932479-5

Роман «Семь мужей Синеглазки» имеет все стилистические признаки сказочного повествования: само название, число семь, обозначение глав буквами Глаголицы: Аз, Буки, Веди, ритмичность текста; названия мест: Пожарка, Альма Матер, Родной юг; имена персонажей: Скиталец, Минихгоузен, Талант Бескрайний, Тихая Сапа. Между тем, это абсолютно правдивый рассказ о женской судьбе, нелёгкое прохождение женщины через мир мужчин и обретение той последней пристани, где быль и сказка счастливо соединяются.

ISBN 978-5-44-932479-5

© Важова М.
© Издательские решения

Содержание

Глаголица	6
БРЮС ЛИ	8
Аз	8
Буки	11
Вéди	13
Глаголь	16
СКИТАЛЕЦ	20
Добро	20
Есть	25
Живете	27
Зело	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Семь мужей Синеглазки Сказка-быль

Марина Вазова

*Как случилось, что после столь печального опыта Синяя Борода снова решился вступить в брак? Это можно понять, только памятуя, какую власть прекрасные глаза имеют над благородным сердцем.
Анатоль Франс*

Редактор Маргарита Сарнова
Корректор Антонина Егорова
Дизайнер обложки Марина Вазова

© Марина Вазова, 2024
© Марина Вазова, дизайн обложки, 2024

ISBN 978-5-4493-2479-5
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глаголица

Её зовут Соня. Но она не любит своего имени. Соня-фасоня. Соня-сплюшка, сонная тетеря.

Мы будем её называть Синеглазкой, тем более что... Нет, глаза у неё не синие, но такого чистого голубого цвета! Все замечают.

Как-то в детском саду, когда она вместе с другими сидела на горшке, зашёл водопроводчик дядя Юра и с порога восхитился: «Ну и глаза синющие!». А уходя, забыл разводной ключ. Так что к вниманию мужчин она привыкла с раннего детства.

Но ведь как раз оттуда, из детства, тянутся ниточки, ткущие покрывало «любовь-нелюбовь». Разноцветное выходит полотно. Зелёные нити – спокойствия и надежды, синие – радости и счастья, жёлтые – мудрости и грусти, чёрные... Ну, чёрная краска – самая стойкая. На всю жизнь хватает.

Однажды, поздней осенью, Синеглазка лежала в спальном мешке на веранде – в ряд с другими обитателями санатория – и в прореху затянутого шнурками капюшона наблюдала, как в окне напротив торчит нянечка. С закрытыми глазами и абсолютно голыми грудями, между которыми снуют чьи-то жуткие, чёрные лапы – видимо, чудовища из сказки «Аленький цветочек».

Про чудовище с лапами Синеглазка думала не переставая. Так и пролежала весь тихий час без сна. Представляла, что сюда, к ней, такие лапы заберутся, а она в мешке и убежать не может. Уже тогда знала – и закричать не сможет. Будет трястись, слезами обливаясь, но ни звука не издаст. Всё от стыда. За себя, такую *сонную тетерю*, за это глупое чудовище, польстившееся на неё: маленькую, безгрудую.

А вот ещё чёрная ниточка. Всё из того же санатория.

Там дети до семи лет, и мальчики с девочками в одной спальне. Правда, некоторые восьмилетние верзилы мужеского пола попали по недосмотру и всем жизнь портили. Похоже, они уже всё знали и в аистов с капустой не верили. Потом они не поверят в непорочное зачатие девы Марии, а заодно и собственной жены, которая, пока они отбывали в армии...

Нет, наверное, всё же сначала жены, а потом уже девы Марии.

Тут придётся опять про горшки вспомнить. Но куда от них в детстве! Так вот, на ночь их ставили в спальню – прямо посреди комнаты, чтобы спросонья дети не ползали по коридорам в поисках пи-пи.

Шатаясь в полудрёме, Синеглазка шла на пятно, белеющее в свете луны, и тут же попадала своей тощей гузкой во что-то мокрое. Моментально накатывал ступор: ни пописать, ни с горшка встать. Так и сидела в чужой писанине, обливаясь слезами. Пока не входила ночная нянечка и, проклиная свою долю горемычную – *за всякими зассыхами убирать* – тащила Соню, то есть Синеглазку, в туалет *мыть жопу* холодной водой. При этом так больно стискивала ей грудь жилистыми ручищами, что осоловелой от плача девочке казалось, что чудовище всё же настигло её и тащит в свою пещеру.

Так вот, про восьмилетних верзил. Во-первых, именно они напрудили в горшки, предварительно выпив всю воду для поливки цветов. Это доказано. А во-вторых, застукав Синеглазку на приколе, принимались её гнать, якобы им вновь приспичило. И при этом доставали свои коротенькие шланги, угрожая начать немедля.

В принципе, ей уже было всё равно, по какое место сидеть в моче, но мальчишки крутили поднятые вверх писюки, и она боялась *хлебнуть*.

Да, всяческих страхов в детстве было предостаточно.

Как тогда, на Ковше. Они гуляли с Белкой и неожиданно заблудились в двух шагах от дома. Попали в совершенно незнакомое и странное место. Шли в темноте на свет фонарей

и вдруг сзади – высоченный мужик. Они бежать, тот следом. Догоняет и на бегу: «Чего тут шляетесь, посекухи?». А они сели прямо на землю и не встать.

Или взять, к примеру, лифты. На многие годы они пролезли в её сновидения, чтобы неузнанными явиться и заманивать. Только Синеглазка их сразу вычисляла, даже если они принимали форму дворницкой или будки стрелочника. Она твёрдо знала, что это тот самый лифт, в котором наткнулась на мертвяка. Перепрыгивая через три ступеньки, взлетела на пятый этаж, и только оказавшись в квартире, сообразила, что в лифте валялся пьяный.

Спустя много лет, уже став взрослой, вспоминала: как зашла в парадное, лифт вниз, свет горит, дверца чуть приоткрыта и – неподвижное тело. Лицом вниз...

Так что бегущих и лежащих мужчин Синеглазка боялась всю жизнь.

Но больше всего запомнились и протащились по всем житейским колдобинам стыдные страхи, о которых никому никогда... Они засели где-то в области диафрагмы и при каждом мало-мальски похожих обстоятельствах ударяли под дых острыми пятками.

Кому расскажешь, как в школе, поднимаясь по лестнице на третий этаж, в свой третий «Б» класс, она уткнулась в серую форменную куртку неожиданно выросшего перед ней старшеклассника? И тут же почувствовала прикосновение холодных, шершавых пальцев к тому потайному месту своего тела, до которого она сама никогда руками не дотрагивалась, только мягкой губкой. Не пискнув, Синеглазка вывернулась и побежала вниз, соскальзывая с потёртых ступенек. Она ни разу не оглянулась, выбежала из школы без пальто, в войлочных тапках, и, пока неслась домой, продолжала чувствовать эти ужасные пальцы.

Дома заперлась в туалете, но даже губка не помогала, и она принялась тереть изо всех сил. Потом с Синеглазкой что-то случилось – она не поняла, что. Только ощутила, как от низа живота покатила волна, подняла её худенькое тело и качала его, трепещущее, с дрожащими коленками, бухающим сердцем.

– Что с тобой? – услышала она голос бабушки и поняла, что кричала, вернее, выла.

– Живот болит, – не соврала Синеглазка и поскорее легла калачиком на кушетку – *кушетку* – с резиновой грелкой на животе, заботливо укрытая бабушкиным клетчатым пледом.

С этого дня она уже не боялась дотрагиваться до мягкой складочки, которую ещё называла по-детски. Пусть уж лучше будут её собственные пальцы, чем чужие, возможно и грязные, мужские. От них постоянно исходила опасность: они дёргали за косы, толкали, больно хватали за плечо, лезли под подол.

Другое дело: мамыны, бабушкины, учительницы или медсестры, берущей кровь. Эти руки заботились о ней, даже когда делали больно. Мужские – всегда пугали. Неважно, водили они указкой по карте мира или подстригали отросшую чёлку. Ведь Синеглазка помнила, *на что они способны!*

Она быстро выросла, и не последнюю роль в этом сыграла любовь к чтению и снисходительность школьной библиотекари. Волшебные сказки перепутались с любовными романами, в которых даже закоренелые преступники обращались в праведников под воздействием женской любви.

Синеглазке стали интересны закоренелые преступники, она жаждала их спасти. И сразу отличала по свободе и лёгкости обращения, внимательному взгляду, задушевной хрипотце в голосе. Она летела на свет романтиков, горящих возвышенными идеями, и подбирала падших ангелов, тянущих к ней свои обрубленные крылья.

БРЮС ЛИ

Аз

Какая важная вещь – первая встреча! Имея опыт и тонкую интуицию, можно сразу определить, а нужен ли он тебе, девушка, вообще-то?

Только не имея опыта, интуиции плохо доверяешь. Ма-а-а-ло ли что кажется, а если всё не так? Ма-а-ало-ли что не он, а его Друг в глаза заглядывает и вздыхает? А он только улыбается. Потом произносит что-то смешное, какой-то каламбур. И каждое слово выговаривает со значением. Не громко, как бы ни к кому не обращаясь, посмеиваясь в усы. Хотя никаких усов нет, просто наросшая к вечеру щетина на верхней губе. Вроде следов пороха.

Ростом маленький, ниже её на полголовы. Смуглый, в вельветовых джинсах, заправленных в сапожки «казачок» со скошенными каблуками. Блестящие чёрные волосы. Прямые и длинные, почти до плеч. Чёлка закрывает брови. Он вскидывает головой, её отгоняя. Глаза карие и круглые, как у лошади. Губы рельефные, будто вырезаны из дерева. Белые зубы про сверком в полуулыбке.

И запах. Он пахнет не так, как белые мужчины. Хочется ещё раз понюхать. Вот если на перерыве незаметно так подойти...

Они рисуют, у каждого мольберт и планшет с натянутой бумагой. Человек десять, стоят кругом и натурщица по центру с рефлексором в ногах. Синеглазке немного стыдно смотреть на *обнажёнку*, а парни – их большинство – сосредоточенно ширкают карандашами. Глянут мельком и: шир-шир-шир. Тени накладывают. Будто и не женщина перед ними, а гипсовая болванка.

Синеглазка учится в Модельной Школе, но там не нужны рисунки с натуры, достаточно воображения. А ей так хочется настоящего искусства! Поэтому бабушка записала её в Вечерние Рисовальные Классы.

У него рисунок лучше всех, и бумага натянута ровно, французская, *верже*. И карандаш чешский, *кохиноровский*, НВ. Там, в кожаном пенале, десяток таких – все заточены, как один. Пахнут вкусно: палисандровым деревом.

Да что всё запах да запах? А вот и запах! Подошла сзади перед звонком на перерыв: сигареты ВТ, слабый приятный одеколон и что-то пряное, вроде мускуса. Вот чем он пахнет.

– Брюс! Брюс здесь?! – кричат в коридоре.

В дверях Фея, секретарша Рисовальных Классов.

– Брюс Ли здесь?! – она обводит всех взглядом, а Друг говорит: «Он вышел покурить».

Так это он – Брюс Ли? Шутят они, что ли?

Нет, не шутят. Действительно, Брюс Ли. Обалдеть!

Он приходит первым и занимает самое лучшее место. Кладёт на табурет свой пенал, пачку сигарет. Рядом скальпель – для заточки карандашей. Резинка длинная, двухцветная. Предметы лежат выверено, красиво – готовый натюрморт.

Синеглазке всё нравится: отсутствие преподавателя, студенческая атмосфера, голубоватые ноги натурщицы. И *он* тоже нравится.

Подошёл сзади, и рука застыла, линии провести не может.

– Здесь надо легче, тоном пройтись, увести в перспективу.

Голос низкий, спокойный. Берёт у неё карандаш, читает надпись.

Ну, что там читать?! Понятно, что «Пионер» какой-нибудь.

– Возьми мой, он мягче, даёт серебристый оттенок.

Потом садится на её место и тут же начинает объяснять, рисовать. А она стоит сзади, смотрит и не понимает ни единого слова. Прищурился глаз, он вытягивает руку с карандашом, пальцем отмеряет – пропорции ищет. И вдруг откидывается назад, прижимается к ней спиной и застывает.

Синеглазка не отстраняется и долгую минуту чувствует его лопатки, каждый позвонок. А в низу живота, как метроном, бьётся пульс.

Брюс встаёт, поворачивается лицом: оно малиновое. Оказывается, желтолицые тоже краснеют.

– Вот так. Поняла? Теперь попробуй сама.

И отходит, не оборачиваясь, к своему мольберту.

Какое там «попробуй», когда Синеглазку вот-вот накроет волна! Спокойно, спокойно, дыши глубже, а лучше выйди на воздух, охладись. Накинув свою клетчатую курточку, идёт во двор. А через минуту – и он.

Закуривает и произносит, выдохнув дым: «Шёл и встретил женщину. Вот и всё событие».

Это о ком? Не о ней, точно.

– Подумаешь, событие! – восклицает он с усмешкой. И тут же – проникновенно и доверительно заглядывая в глаза: «Но не могу забыть её, не могу забыть её!».

Ага, это стихи. Он читает стихи!

– А она забыла...

Выбрасывает в урну окурки и, возвращаясь в Классы, напоследок с улыбкой, как бы дурачась, произносит: «Вот и всё событие. Вот и всё, что было¹».

Синеглазка едет в трамвае и вспоминает, как прижался, и пульс в животе и позвонки спины. Всё-таки стихи о ней.

Дома нет-нет, да пройдёт мимо зеркала, резко глянет, будто его глазами.

Верста, ноги-руки летучие, как у комара. Волосы рыжеватыми пёрышками, недавно только косу отстригла. Веснушки на носу и щеках, брови с хохолком. И глаза совсем не синие, а серые, как небо.

Сегодня – как зимнее небо.

Брюс работает пожарником. Ну, это пока, временно. Зато общежитие, зарплата и сутки через трое. Три дня он в Рисовальных Классах, готовится к поступлению в Альма Матер.

Обо всём этом Синеглазка узнала по дороге домой. Теперь он всегда её провожает. Они идут пешком по заснеженному Проспекту, и Брюс несёт её портфель.

Он с Юга, отслужил армию и теперь на пути к своей мечте – стать художником. Обязательно известным.

– Вот увидишь, когда-нибудь по всему миру будут висеть плакаты: «Великий русский художник Брюс Ли».

Синеглазка внутренне улыбается. Ну, какой он русский – с таким именем, с такой внешностью? Правда, язык и литературу знает лучше неё. Гораздо лучше. И стихов наизусть – море.

– Ты у меня одна, словно в ночи луна, словно в степи сосна, словно в году весна².

Синеглазка слышала эту песню. Но в стихах она звучит по-другому. Будто это не чужие стихи, а его, Брюса. И не стихи вовсе, просто он говорит Синеглазке: «Понимаешь, ты у меня одна, никого больше нет».

Хотя знает, что есть: и мама с папой, и четверо братьев. Но здесь – только она. Словно в ночи луна. Которая уже закрепилась в ветках деревьев Городского Сада, пока они друг друга провожают.

¹ Борис Заходер. Листки (поэма в стихотворениях).

² Из песни «Ты у меня одна», Юрий Визбор.

Долго стоят в парадной, он дышит на её озябшие пальцы.
А дома тишина, наполненная подозрениями.

На полке буфета – фарфоровый Будда. Стбит легонько тронуть и задать вопрос: да или нет? – качает головой вправо-влево, вниз-вверх.

Да-да, кивает Будда, улыбаясь женским накрашенным ртом. Что «да»? Синеглазка и вопроса ещё не задала, а он уже: «да». Значит, вопросы не нужны, и так всё понятно. Да.

Едва проснувшись, Синеглазка уже думает о нём, потом в Модельной Школе рисует его портреты, потом они встречаются в Рисовальных Кассах, потом бесконечные проводы. А ночью ей снится, как она согревает свои ладони на его груди.

И на другой же вечер...

Он расстегнул свою лёгкую дублёнку, спрятал в тепло её руки-ледышки, прижал и сам к ней прижался. Даже через толщу зимних одежд она чувствовала восстание его скакуна. Конь встал на дыбы и готов был мчаться, мчаться. Но упряжь держала крепко.

Потом он ушёл. Синеглазка долго смотрела вслед. Брюс оборачивался и через лепящий наотмашь снег всё прощался: то ладонь мелькнёт, то сверкнут зубы в улыбке.

А ночью она мчалась на его коне, затыкая рот пододеяльником.

Буки

Сначала было всё плохо.

– Знаешь, а мне завтра шестнадцать стукнет.

Он думал, что больше. Грустный, не смотрит в глаза. Рисует резкими линиями, потом стирает. Губы кривятся: не идёт работа, не-и-дёт.

Он на семь лет старше.

Ну и что?

– Ты несовершеннолетняя.

Слово какое-то дурацкое. Значит, прощай?

– Я должен подумать.

На другой день встретились в Городском саду, и она не сразу заметила терракотовую фигурку с руками на груди. Стоит прямо на снегу, у Брюса в ногах, небольшая такая, лёгкая. Маленькие груди открыты, ноги слегка расставлены. А рядом – букетик холодных бледных тюльпанов. Откуда взял? Наверно, с Родного Юга.

– Это тебе. «Юность» Родена. С днём рождения!

И целует её, приподнявшись на цыпочки. Сначала лишь губами дотрагивается, потом ещё раз, и ещё. Они стоят под большим чёрным тополем долго-долго. Дублёнка опять растёгнута, руки Синеглазки у него под мышками. Он вжался всем телом, будто хочет пройти сквозь неё, упереться в тополь.

А там что делается...

Дома поставила фигурку на письменный стол, у лампы. Достала из ящика его портреты. Один, самый похожий набросок углём, положила рядом, в молочную бутылку поставила цветы. Родичи косят глазами, но вопросов не задают, только шепчутся на кухне...

Сегодня Брюс выходной. Они идут получать паспорт.

В милицию заходит одна. Пока ждёт у окошка, всё гадает, что будет дальше. Будет обязательно, но что?

Паспорт ложится в её ладонь холодной гранатовой корочкой.

Приглаженные волосы, отсутствующий взгляд. Национальность – русская. Прописка, особые отметки... Семейное положение. Пока никакое.

Брюс встречает у дверей. Он подумал. Он не сможет ждать два года.

Тогда всё? Тогда прощаемся? Прямо сейчас.

– Нам не надо больше видеться. Я брошу рисовальные классы. Ведь мне это не так нужно, как тебе.

Ей действительно это не нужно. В Модельной Школе рисовать не обязательно. Главное – образы.

– Ждать не могу и без тебя уже не могу. Что делать, что делать?

Они идут по Проспекту. Бросают слова в морозный воздух. Фразы тают белыми облачками... не могу... что делать... Небо голубое, и глаза у Синеглазки голубые. Цвета морозного неба.

Дома обнаружила, что у терракотовой «Юности» отбита рука, бутылка опрокинута, нарциссы завяли, а на его портрете снизу надпись: *хунвейбин*.

Это невозможно — *никогда* его больше не видеть. Она пробует на вкус это слово — *никогда*. Горькое, как салицилка, которую ей давали в больнице. Её тогда рвало от горечи, рвало горечью. Нет, не могу больше, — говорила она доктору, и ей отменили горькое лекарство.

— Я тоже не могу. Не могу без тебя.

Синеглазка будто слышит со стороны свои слова: не могу без тебя...

Нет, совсем не то. Она ведь не рассказала ему про разбитую «Юность», мёртвые нарциссы, грязное слово на портрете. Уже тогда решила: раз так, она будет с ним.

Он ничего не знает о том, как прошёл её день рождения. Про подарки, которых не было. Про взгляды и разговоры полущёпотом. Теперь есть *они* и есть *она*.

И ещё есть *он*.

Идёт рядом молча, сосредоточен на носках сапожек: правый, левый, правый, левый... И вдруг останавливается и весь — лицом, ладонями — тянется к ней.

Нет, они не расстанутся. Но это риск. Ведь она несовершеннолетняя.

— Фу, опять это слово. Не говори так больше, прошу.

— Хорошо, не буду. Я отвечаю за всё. Что бы ни случилось, не бойся.

Они идут в Пожарку. Посмотреть, как он живёт. Красное кирпичное здание с двумя большими воротами, внутри коридоры, пахнет сапогами и дымом.

— Сначала в Ленинскую комнату, — взгляд загадочный, прячет улыбку.

Это зачем ещё?

Оказывается, у него такая работа — делать Ленинские комнаты. Одну сделает, за следующую примется. Зато не надо тушить пожары! Так и разъезжает по городу. Уже и график составлен: следующая Ленинская комната — на Главном Проспекте.

Он и в армии делал эти комнаты, даже в пустыне. Все на строевую подготовку, а он — за плакатные перья. Два года колесил по Югу, автомат в руках не держал, только перья и кисточки.

Синеглазка рассматривает планшеты с натянутой бумагой, белой и гладкой, как крыло лебедя. На них уже всё готово: красные и чёрные заголовки написаны влёт скошенным пером. Напоминают иероглифы. Чёрное и красное — цвета пожара. Под ними — тонко, вязью, золотой орнамент. Искры огня.

В окна бьёт закатное солнце. Встало распором в проём переулка и ведёт прицельный огонь. Слепит их, предупреждает: ещё шаг — и вы убиты.

Они не смотрят друг на друга — это опасно. Зацепишься взглядом, всё приходит в движение: ноги, руки тянутся, как щупальца. Крепко хватают, не разорвать, не отлепиться.

Здесь нельзя, это военный объект. Тем более, Ленинская комната. Осквернение святыни.

— Пойдём в общежитие, там можно чаю попить.

Улыбается и беззвучно целует воздух.

Вéди

Общага на втором этаже. Нужно пройти две комнаты и потом будет его. Правда, в ней четверо, но один в отпуске, а двое сейчас на пожаре. В том числе и Друг.

У окна стол, по углам койки и тумбочки.

Пока заваривается чай, садятся на его кровать и сразу начинают целоваться. Синеглазке неловко: вдруг кто зайдёт?

Нет, их же видели. Да и весь отряд сейчас на выезде: пожар второй категории.

Не бойся, Синеглазка.

У них тоже пожар. Одежда хлопьями пепла летает по комнате.

Они спасаются под одеялом. Белые простыни с треугольными штампами, холод крашеной стены, жар его тела. Очень сильный жар, просто обжигает.

И запах другой. Неизвестный ей запах, терпкий, как кровь.

– Не бойся, Синеглазка.

– Боюсь. Боюсь. Вдруг кто войдёт.

Поздно, уже не остановиться. Пламя гудит в ушах набатом. Пожар высшей категории.

– Не бойся, никто сюда...

– Нет, нет, нет... Не сейчас, только не сейчас...

Потом он курит у форточки, а Синеглазка лежит в чём-то тёплом. Неужели столько крови?! Но её нет. Где же кровь?

– Почему нет крови?

– Не важно, не думай об этом.

Он уже опять рядом, опять обнимает, дышит в шею.

– Нет, важно. Должна быть кровь. Ведь я никогда...

– Это не имеет значения. Ну, иди же ко мне...

А для неё имеет. Она непорочная девушка. Должна быть кровь. Если её нет, значит, не девушка. А она девушка!

– Ну что ты плачешь, успокойся.

В двери просунулась голова Друга и, не глядя в их сторону: «Дали третью категорию, людей не хватает, выручай».

Брюс мгновенно исчезает, шепнув напоследок: «Жди, не уходи».

Да она бы и не осмелилась: мимо вахты, мимо мужских понимающих глаз.

Вернулся через час. Они все трое ввалились. Чёрные, закопчённые, пахнущие дымом и палёной резиной. Синеглазка давно оделась и, сидя на краешке кровати, рассматривает журналы по искусству. Его соседи – бобыли бессемейные. Горят на работе. Иногда по-настоящему.

Но сегодня обошлось. Садятся за стол, пьют чай с сухарями и пряниками. На Синеглазку стараются не смотреть, будто нет её. Всё про трамвай вспоминают, который вспыхнул разом в двух вагонах. Хорошо, шёл в парк, пассажиров почти не было. А то бы погибли, как в прошлом году. Кажется, двое тогда сгорело.

Сегодня тоже двое чуть не сгорели, думает Синеглазка.

Брюс, хоть и рядом, но с ними, говорит для них. Лишь когда выходят из комнаты, быстро проводит рукой по спине: с тобой, мол, я.

А ей всё хочется – об *этом*. Что, хоть и не было крови, но он должен знать, что у неё никого...

Нет, бесполезно. Он уже всё для себя решил, но *это* не имеет значения.

Через месяц крови тоже не было, и Синеглазка поняла, что попалась. Не с кем посоветоваться: подружки ещё в школе учатся, родичи на неё почти не смотрят. А он... Чем он может ей помочь? Ему надо учиться. Вернее, сначала поступить. Все его силы там.

Пока они каждый за себя. У него общага, у неё – коммуналка и родичи. Если появится ребёнок... Это будет их общий ребёнок, и тогда надо жить вместе. Но где? Родичи не примут его. А в общагу ребёнка нельзя.

Но он же сказал: «Не бойся, Я отвечаю за всё. Что бы ни случилось, не бойся».

Вот, случилось. Теперь уже наверняка: с утра тошнит.

Сейчас возьмёт и скажет... А он, как тогда, будет свои сапожки разглядывать и качать головой.

Но нет, вроде как обрадовался. Только... Ему надо учиться. Вернее, сначала поступить. Все его силы там.

Да, да, она понимает...

И Синеглазке надо учиться.

А как с ребёнком?

Совсем никак. Ребёнку нужен уход. Куда его денешь?

Идут в Рисовальные Классы. Синеглазка рассеянна, испортила почти готовую работу. Брюс отрешён и сосредоточен. С ходу отринул ненужные мысли.

Ничто ему не мешает довести начатый рисунок.

Это нужно написать плакатными перьями и повесить в общаге над его кроватью.

– Как ты решишь, так и будет, – говорит, провожая.

Морозы закончились, весна, тепло, и нет нужды греть руки под дублёнкой. Синеглазка поднимается на свой пятый этаж и всё недоумевает: «Что тут можно решать? Если только избавиться от ребёнка. Он об этом?».

– Надо избавиться от ребёнка, – говорят родичи.

Никакого скандала, никаких упреков. Даже участливы. Даже за огурцами солёными на рынок сходили.

– Тебе надо учиться, ему тоже. Ещё рано детей заводить, ты сама ребёнок.

Но ведь он уже завёлся там, в животе. Его убить, что ли?

Почему убить? Там ещё никого нет, даже и не лягушка. Только не тяни, завтра иди к врачу и бери направление. Иди, будь умницей.

Она идёт по коридору Женской Консультации (стыдные слова). Вот и нужная дверь. А вдруг доктор сейчас скажет: «Ты что надумала, убить ребёнка?! Вон отсюда!». И она пойдёт, весёлая и счастливая. Скажет всем – и Брюсу тоже! – мне врач не разрешил, выгнал из кабинета.

Но врачиха, задав несколько вопросов (ужасно стыдных), кивнула и велела принести согласие родственников.

Согласие на убийство её ребёнка.

Она держит эту бумагу в руках и представляет, как придёт в больницу, немного потерпит, а потом...

Зато потом не нужно ни о чём думать. Все будут довольны, заживут по-прежнему в дружбе и согласии. Они с Брюсом будут учиться, а через два года поженятся.

Но он же сказал: ждать не могу. Значит, опять встречаться в его общаге, избегая понимающих взглядов мужчин.

Нет, если она пойдёт в больницу, никаких больше общаг. Она уйдёт из Рисовальных Классов, они расстанутся. Всё кончится.

Синеглазка выходит в коридор и слышит разговор на кухне: «Вот *сделает*, мы его быстро упрячем за соvrращение несовершеннолетней».

Так вот что задумали! Тогда – никаких больниц!

Они идут по разным сторонам улицы, смотрят друг на друга через дорогу, перемигиваются.

Это всё из-за роста: Брюсу неловко, что он маленький.

Ничего, лукаво улыбается он, в постели сравняемся.

Они теперь много ходят вместе. Родичи не отступились и разбросали заявления. Сейчас они идут в детскую комнату милиции.

Зачем?

Так надо.

В детской комнате проходит заседание. На повестке дня они: Синеглазка и Брюс Ли. И ещё один, теперь уже не лягушонок.

В комнате трое: две женщины и мужчина.

Так это Боб Саньч, учитель физики! Он как бы от лица школы должен принимать решение.

О чём?

О том, как быть дальше.

А что дальше? У них будет ребёнок. Что может сделать Боб?

– Вы понимаете ответственность такого шага? – спрашивает одна из женщин у Брюса. Она не смотрит на него, видимо, заранее осуждает.

Он кивает и, не встречая взгляда, трагически, с вызовом отвечает: «Конечно, я всё понимаю».

Боб Саньч сразу к быту: где жить будете, на что?

Физик, материалист.

– Будем просить комнату в Исполкоме, – произносит Синеглазка заготовленную фразу.

– Я в состоянии обеспечить семью, – говорит Брюс надменно.

– Вы же учитеcь! – выкрикивает вторая, крепко завитая и надушенная.

Синеглазка теперь совсем плохо переносит парфюмерные запахи и бледнеет. Боб Саньч предлагает завершить – всё и так ясно.

Ещё одна комиссия Исполкома – разрешение на брак. Семь пар ожидают решения, все школьники, и женихи тоже. Только они с Брюсом особые. Члены комиссии смотрят сурово. У Синеглазки уже круглится живот, ей сочувствуют.

Брюса отзывает в сторону лысый дядька и что-то говорит ему, потирая пальцами. Синеглазку в очередной раз спрашивают, не имеет ли она претензий, не было ли принуждения, насилия. Она качает головой, не отводя взгляда от лица Брюса. Наконец, встречается с его глазами и прыскает: «Что за глупости!». Он не улыбается в ответ, кивает головой в такт пальцам лысого.

Разрешение на брак всё же получено. Теперь от них, наконец, отстанут.

Через месяц они стоят в комнате ЗАГСа, рядом свидетели: Друг и Добрая Тётя Синеглазки. Потом идут в мороженицу. По сто граммов сливочного с орехами и по пятьдесят шампанского в тонких стаканах.

Вот они и поженились.

Глаголь

В дородовое Синеглазку положили на всякий случай – мало ли что. Она лежит, скучает, ждёт. Снизу то и дело раздаются крики. Это будущие папаши. С третьего этажа они выглядят коротконогими. Лица задраны вверх, руки рупором, кричат одно и то же: «Ты как? Что сказал врач? Когда уже?».

Они с Брюсом не кричат. Ещё летом придумали «азбуку глухонемых». Просто так, для интереса. Вдруг надо сказать по секрету, а кругом народ. Или вот как сейчас: она на третьем этаже, а он стоит на снегу, у большого тополя. И между ними двойные заклеенные рамы.

Он говорит быстро, пальцы так и скользят по лицу, шее, строятся в фигуры. Иногда она машет руками: стоп, стоп! Ещё раз.

Он прижимает руку к груди, и Синеглазка уже знает, что он скажет: «Я люблю тебя». Она «говорит» ему в ответ: «Я тебя тоже!», и соседки по палате зачарованно смотрят на них. А мужа внизу всё продолжают кричать: «Отёков нету?! Апельсины принести?!».

А то просят Брюса: скажи моей... И он с готовностью посылает депешу на третий этаж, а Синеглазка тут же передаёт соседке: «Дали смотровую на Комендантском, двушка, 46 метров». Соседка сердито стучит по стеклу: «Даже не езди, куда нам двушка на четверых!». Но муж не слышит, и тогда Синеглазка дублирует Брюсу, тот – мужу.

А им бы и двушка на Комендантском подошла...

Синеглазка просит укол – чтобы роды начались. Ей давно пора. Но врачи сомневаются и укола не дают. Она плачет, и доктора сдаются. С бегущими по ногам водами спускается на второй этаж, в родилку.

Там «большой сбор» – роддом дежурит по скорой. Про неё забыли, и Синеглазка, памятуя наставления врачей, то и дело спрашивает: «Тужиться можно?». Хотя спрашивать поздно – ребёнок идёт полным ходом. Тут персонал спохватывается: у них без присмотра рожает несовершеннолетняя!

От дикой боли ничего не соображает, только слышит: «Шприц... щипцы... жгут... ножницы...». Внезапно чувствует, что живота больше нет, и тут же видит в руках акушерки сиреневого младенца.

– Девочка, – говорят рядом, и тут же уносят.

Потом её колот острыми иголками, шьют разрезы. После того, что было, это можно терпеть.

Два дня ребёнка не приносят кормить. Всем приносят, а Синеглазке нет. Ещё в родилке она слышала про зелёные воды, тугое обвитие пуповиной.

– Я говорила, что мне пора, а они не верили, – жалуется она кормящим мамам, трогая затвердевшую грудь. Мамочки только вздыхают, нежно поглядывая на своих сосунков.

Сегодня, наконец, привезут. Она прислушивается к звукам детского отделения. Голос своей дочурки слышит издалека.

Вот каталка останавливается напротив двери, и сестричка ловко, с двух рук начинает разносить тугие кульки.

И вдруг прямо под грудь ей кладут большую оранжевую куклу, с чёрными бровями, длинными пейсами и малиновой вертикальной меткой вдоль лба – как у лошадки. Маленький ротик раскрывается во всю ширь, хватает сосок, и мгновенная, острая боль пронзает грудь.

У ребёнка уже зубы?

Нет, но очень острые и крепкие дёсны.

– Мамочка, нельзя так много кормить, будет понос.

Как же, нельзя! Это дочь Брюса Ли, она будет делать всё, что захочет.

А дома уже колясочка – из проката, она заменяет кроватку.

Они же два месяца провели в роддоме: то мастит, то желтушка, то гемоглобин низкий, то швы разошлись. Ничего покупать нельзя, и ребёнок, и мама на грани. Имя давать тоже нельзя. Вот выпишут...

Но теперь всё позади. Давай назовём...

– Лили. Пусть она будет Лили. – Брюс улыбается, поглаживая спящую дочку по щеке.

– И ещё фамилия. Не многовато ли Ли?

– Пусть. Как колокольчик: Ли-Ли-ли. Можно петь: ли-ли-ли, ли-ли-ли.

Дочку взяли в ясли для детей иностранных студентов. Очень хорошие ясли: на десять детишек воспитательница и две нянечки. Ясли круглосуточные, но Лили забирают каждый день.

Она красотка. Метиска. Золото с чёрным, киноварь губ, голубоватые белки. Характер тоже золотой: тиха, терпелива – восточная девочка.

– Вот кому-то повезёт, – говорит Брюс, рассматривая ладошку дочери. Вертит в руках, расправляет пальчики. Рисует глазами. Он всегда рисует.

К рождению ребёнка в Пожарке дают квартиру.

Если взять – придётся работать, делать Ленинские комнаты. Нет времени, надо учиться, а значит – пахать день и ночь.

Конечно, тебе надо учиться, говорит Синеглазка и немного грустит: не будет своего жилья. Но это не важно. Ведь они вместе, родичи смилостивились и пустили их в проходную комнатку. Там, за шкафом, старая оттоманка, маленький столик и два расшатанных стула.

Брюс приходит с занятий поздно, быстренько ужинает и тут же усаживается строить композицию. Ставит планшет на стул, поправляет лампу. Нарисованные люди машут руками, будто хотят взлететь.

Родичи уснули, дочка посапывает в новой кроватке.

Синеглазка уже спит, когда он пробирается к ней, скрипя всеми пружинами. Сквозь сон, сквозь зашкафную духоту... Скаун отпущен пастишь, и они скрипят и скрипят, скрипят и скрипят. Пока Брюс, наконец, не откидывается на окаменелый валик, произнося неизменное:

– Тебе было хорошо? Сколько раз?

Потом лежит с трагическим лицом, вперив глаза в темноту потолка. И обещает: «В следующий раз будет больше».

Но Синеглазке не надо больше. Она за день так устала...

– Бяка, – капризничает она, – хватит уже.

– Нет, Бяка, давай ещё. А то ты меня разлюбишь.

Бяка. Шутливо, иногда сердито, а потом уже обыденно: «Бяка, ты пельмени сварила?».

Окружающие слушают с весёлым недоумением.

Воскресенье, и Брюс дома.

Весь день рисует, но к вечеру даёт себе отдых. И тогда они играют. В лото, шашки, карты. Но чаще всего – в Эрудит. Составляют из выпавших букв слова. Брюс знает много слов и всегда выигрывает.

Лили у него на коленях – *подсказывает*. Она так горда, что помогает отцу. Только маму жалко, и они иногда поддаются.

– А почему Ленин в галстук? – спрашивает вдруг. Ага, увидела портрет в журнале.

– Ну, ведь дяденьки носят галстуки.

– Так это же не дяденька, а Ленин! – возмущённо, с недоверием.

Наследие Ленинских комнат...

В детском саду она самая старательная, самая послушная, самая честная.

Воспитательница спрашивает детей, как их ласково называют дома.

Зайчик, кисонька, птичка моя. А Лили с восторгом: «Телега скрипучая! Кочерга, вся чёрная и ржавая!».

Дети смеются. Воспитательница расстроена.

– Как же так, – выговаривает она Синеглазке, – почему вы ребёнка обзываете?

– Ну что вы, это шутка, Лили понимает.

На его Родной Юг едут долго, с двумя пересадками. Синеглазка никогда ещё не уезжала так далеко от дома.

Зато теперь они два месяца будут вместе, у его родных.

Из поезда вышли в черноту ночи. Или это южный вечер? Идут пыльными улицами, на свет окошек. Лили еле поспекает, но не жалуется – видит, что руки родителей заняты вещами.

Тьма густая, и запах густой, сложный: вяленых фруктов, дыма, глинистой воды, шашлычных специй. Так вот чем пахнет Брюс!

Наконец заходят в калитку. Над головой какая-то сеть с водорослями, задевает щёки, волосы. Шершавая, цепкая, с выпуклыми и твёрдыми сосочками.

Это же виноград, Бяка!

Брюс входит в дом первым, а Синеглазка остаётся под звёздным небом, наполненным стрёкотом цикад.

Сказочная страна, где можно жить прямо в саду, спать в гамаке!

Сверху свисают гроздья спелого винограда, под ногами в зелёной сумятице зреют красно-фиолетовые помидоры и баклажаны. Под окнами несётся узкая, быстрая речушка, называется арык.

Всё это Синеглазка разглядела наутро. Они пошли с мамми (мамой) и мадами (тётей) в огород, набрали овощей и принесли их ами (бабушке). Она их почистила, сидя в своей кровати, потом мамми и мадами принялись за готовку.

Синеглазка с Лили перебирают фасоль, лущат горох, а потом валяются в саду, укрытые от палящего солнца стеной винограда. В каменной чаше давят виноградный сок.

Брюс на работе. Теперь он будет проводить там все дни, оформлять целый стадион! Плакатные перья тут не годятся, не тот масштаб. Громадные щиты, распылители, валики, ведра с краской.

Платят хорошо и сразу. На эти деньги можно купить кооперативную квартиру. Но об этом и речи нет. Всё заработанное Брюс отдаёт мамми: она знает, кто в чём нуждается. Потому что у них очень большая семья – двоюродные и троюродные как родные: кто-то учится, кто-то болен или ждёт свадьбы.

Им с Брюсом тоже копят на свадьбу, а пока будут посылать немного, на жизнь. Лили отдельный подарок: десять юбилейных рублей, которые мамми вылавливает из груды монет, добытых дедом. Он – разъездной фотограф, ездит по колхозам.

Синеглазка и сама может зарабатывать: она прекрасно шьёт. Только что лежали два отреза шерсти: голубой и розовой. И вот, пожалуйста – готовы чудные платья для племянниц Брюса.

– Вот это искусство, я понимаю, – говорит дед. – Не то, что ты со своими картинками.

Нет, конечно, это шутка. Они гордятся сыном. Любят Синеглазку и Лили. Ведь теперь они – часть большой семьи.

Брюс по-прежнему целыми днями торчит на стадионе. У него в подручных крановщики и такелажники: подвешивают над трибунами громадные панно.

Он приходит поздно ночью, пробирается под зелёное покрывало, привычно кладёт ладонь в ложбинку между грудей, целует в шею.

Синеглазке снится далёкий топот и ржание. Всё ближе, ближе, и вот уже взмыленный конь несётся рядом. Он косит круглым глазом, вскидывает головой, отгоняя чёлку. Синеглазка легко вскакивает к нему на спину, и они мчатся, рассекая горькие травы. Конь поворачивает голову, хватая мягкими губами за руки, бедра. Покусывает пальцы жёлтыми, прокуренными зубами...

Осень, и они снова в Городе. Брюс почти не бывает дома, приходит поздно и вновь садится рисовать.

Родичи поджимают губы, бросают едкие слова. Даже с ребёнком погулять не может! Одно название, что отец!

– Твои меня невзлюбили, я не могу так больше!

Все выходные он теперь проводит в музеях или сидит до закрытия в библиотеке, готовится к экзаменам.

Синеглазка вздыхает, но молчит. Ей некуда деться. Родичи помогают, это факт. А Брюс – её муж и отец Лили. Они должны быть вместе.

Но им не быть вместе.

СКИТАЛЕЦ

Добро

Туча набежала на солнце. Она встала плотно и неподвижно. Синеглазка подняла голову и увидела, что никакой тучи нет. Пушистая, в золотом ареоле голова заслоняет свет.

Какой высокий – как подсолнух! Волосы, борода, усы и даже брови – всё из пшеничных колосьев. И глаза – большие, серые, как морской галечник.

Голова улыбнулась, обнаружив щербинку в углу рта, и произнесла, чуть картавя: «Для растений землю копаете?». И получив ответный кивок, заметила: «Здесь плохая земля – асфальт рядом».

– А где хорошая? – Синеглазка встала с колен и невольно засмеялась.

На нём синие потёртые джинсы и голубая в клеточку рубашка с закатанными рукавами.

На ней – бирюзовая кофточка, вышитая васильками, и синяя юбка-колокольчик.

Он переводит взгляд на свою рубашку, улыбается: «У вас тоже Голубой период?». И тут же смущённо прикрывает ладонью пустоту недостающих зубов.

Надо же, Пикассо знает! А сам жуть какой запущенный: пыльные сандалии, давно не стиранные джинсы, тощий рюкзачок за спиной. Чистый скиталец!

– Хорошая земля – на кладбище, – спохватившись, добавляет он.

– Ну, я боюсь туда ходить, – лукавит Синеглазка, высыпая из пакета набранную землю.

– Могу проводить. Я сегодня совершенно свободен. Кстати, меня зовут Скиталец. А вы...

Дайте-ка попробую отгадать. Вы – Синеглазка?

Ну нет, так не бывает! Предположим, он где-то узнал, как её зовут, случайно подслушал. Но как *она разгадала* его имя?!

Они идут в сторону Смоляного Острова и по дороге обсуждают достоинства кладбищенской земли.

Вот берег Смоляны. На кладбище можно пролезть через дырку в заборе.

Под большими ракетами набирают целый пакет жирной, чёрной земли – перегноя.

На обратном пути проходят мимо троллейбусного парка, и Скиталец рассказывает, что в Южных горах на троллейбусе путешествуют из одного городка в другой. Проезжают горные аулы, покрытые снегом. А внизу море, пляжи, жара.

Неужели так бывает?

– Когда поднимаешься в горы, становится холоднее – будто едешь на север. Можно рассчитать зависимость: сто метров в гору равно приблизительно...

Потом они выходят к заливу с белеющим вдали парусом, и разговор переключается на морскую тему. Скиталец служил на флоте и даже ходил в кругосветку. Он объясняет, чем бизань отличается от брамселя, как вязать морские узлы.

Проходя мимо Пожарки, Синеглазка ускоряет шаг. Хоть Брюс там давно не работает, но вот оно – его окошко. Друг может увидеть, как она идёт *с другим*.

Поскорее свернули в переулок.

Неожиданно грянул ливень, и они спрятались под арку. И там, в полутьме, он окунул в её ладони свои выгоревшие усы, будто воду пил...

Только к вечеру, когда зажглись фонари, они подошли к её дому. Как это случилось? Ведь нигде не останавливались, не сидели на лавочках. Они шли и шли. Но почему-то целых три часа!

Скиталец взглянул на неё прозрачными глазами, в которых отражались закатные облака, и сказал на прощанье: «Я, наверно, показался вам страшным болтуном. Но это от смущения».

Синеглазке захотелось спросить, когда они снова встретятся, но она вспомнила, что замужем. Напоследок оглянулась через плечо. Скиталец шагал вдоль улицы, не оборачиваясь. По движению головы было ясно: он поёт.

Дома тихо: Брюс ещё не пришёл, Лили спит. Но тут же просыпается с вопросом: «А кошки колбаску любят?». Синеглазка знает, откуда ноги растут: вчера у них на работе, в Модном Доме, давали праздничные наборы с копчёной колбасой.

– Конечно, любят. Спи.

Но дочка жалобно пищит: «Мяу». Приходится доставать колбасу и резать её тонкими ломтиками. Это уступка. Заглаживание вины, которой ещё не было. Впрок.

Ночью конь пытается её догнать. Но Синеглазка несётся мимо на паруснике с туго натянутым бом-брамселем. Дует попутный ветер, на гюйс-штоке полощется голубой, в мелкую клеточку, флаг, скрипят шпангоуты.

А конь мчится вдоль берега и тоскливо ржёт, отставая.

Парусник качает волнами, всё выше, выше...

Брызги попадают в лёгкие, она задыхается.

Это морская болезнь... Это морская болезнь...

Это...

Морская...

Болезнь...

Прошёл месяц. Скиталец не появлялся, и болезнь прошла.

Этой ночью уже никакого парусника не было. Она лежала в высокой траве и слушала перестук копыт. Конь промчался мимо, не заметив её. И тогда она испугалась и крикнула: «Эй, ты куда!».

Он вернулся. Он так обрадовался! Думал, что навсегда потерял свою ловкую наездницу.

Они летали всю ночь, разгорячённые, мокрые. Падали в воздушные ямы и вновь продирались сквозь блестящую от росы траву. Когда показалось море, конь легонько куснул Синеглазку зубами и сказал голосом Брюса: «Ненавижу море, от него морская болезнь».

А она любит море, любит...

Проснулась среди ночи и уже больше не спала. Ей всё чудилось, что в окно кто-то стучит: «Тук-тук, тук-тук». Но кто может стучать – пятый этаж?

На следующий день, выходя из трамвая, заметила пшеничную голову.

Он стоит у водосточной трубы и держит в руках веточку. Ни одного шага навстречу, просто стоит и смотрит, как она идёт к своему дому. Даёт возможность выбора...

Они молча идут к парку, словно катамаран, рассекая толпу. Он держит её за руку и время от времени сжимает, как бы говоря: «Видишь, я пришёл». А потом, на скамейке, коротко и убедительно объясняет – ничего не получится.

Он ей не подходит. Да он никому не подходит. Была жена. Ушла, не выдержала. Квартиру отдал ей, на что ему? Теперь иногда ночует у мамы на раскладушке в кухне. Или у друзей. Но это зимой.

– А летом?

– Летом тепло. Мне одному ничего не надо. Я вольный ветер, я Скиталец.

У него нет денег, он нигде не работает. Бродит по свету.

– А ты можешь не скитаться? Жить, как все живут?

– Не знаю. Давно не пробовал.
Если кого-то любишь, можно всем поступиться, лишь бы рядом быть.
Если любишь...

Трамвай везёт их долго-долго. Наконец, вырывается из тоннеля блочных стен на берег озера. Настоящего озера, с мостками, камышовыми кулисами по бокам, песчаным пляжем. А справа – другое озеро, за ним – третье.

Они на Озёрах.

Последние тёплые дни осени, за которыми только дожди, холодные скамейки и мусор опавшей листвы. А потом – белая, равнодушная зима.

Но пока – почти лето.

И они – почти вместе.

Он достаёт из рюкзака десяток картофелин, полбуханки хлеба, соль в спичечном коробке.

– Будем печь картошку. Сначала наберём сосновых шишек.

Они ползают на коленках по скользкому ковру иголок. Собирают растопыренные шишки в старенький рюкзак. Встречаясь руками, вздрагивают: бьёт током.

Шишки горят весело и быстро. В костёр летят ветки, доски от ящика.

Маловато топлива, маловато...

Скиталец куда-то исчезает и вскоре появляется с поленьями в руках. Вот теперь всё получится.

Она не спрашивает, откуда дрова. Это мужское дело – добывать.

А он мужчина. Он – её мужчина.

Это случилось в прошлые выходные, когда его мама уехала за грибами. А они остались убирать квартиру.

Но сперва он достал со стены гитару, подкрутил, перебирая, струны и заиграл медленно, переборами. Чуть картавя, тихо запел:

*Уходит рыбак в свой опасный путь,
Прощай, – говорит жене.
Быть может, придётся ему отдохнуть,
Уснув на песчаном дне³.*

Синеглазка стоит на берегу: всматривается в волны, ждёт...

*Лучше лежать на дне
В синей, прохладной мгле,
Чем мучиться на суровой,
Жестокой, проклятой земле!*

Бедный, измученный... Скиталец...

Подходит сзади и обнимает его вместе с гитарой.

Волны прилива раскачивают комнату. Один прыжок – и они летят, как дельфины. Синхронно выныривают, чтобы хватить воздуха и опять – на глубину...

³ Песня Бродячего Певца из к\ф «Человек-Амфибия».

Прыжок с вершины-ы-ы.
Бесконечное погруже-е-е-ение.

Наве-е-е-ерх, за воздухом.

И снова прыжок, и снова погружение...

Абсолютная глухота. Остановка времени. Остановка сердца.

Никогда такого не было. Это любовь. Это любовь... Это...

Уже начинало смеркаться, когда он в спешке взялся за швабру. Еле успел, но всё обошлось. Видно, научился на флоте стремительной уборке.

Синеглазка идёт домой тем самым бульваром, где впервые встретила Скитальца. Листва шуршит под ногами, накапливает дождь.

Она ничего не замечает.

Вновь и вновь переживает взлёт и падение. Взлёт и падение.

Погружается на самое дно.

Брюс уже дома. Похоже, родичи его просветили. Они догадались, что у неё кто-то есть. Но зачем говорить ему, *хунвейбину*?

Потому что семья, ребёнок. Пусть принимает меры.

Ах, как некстати!

Брюсу больно и обидно, но... Это должно было случиться.

– Я узкоглазый.

– Да нет же, у тебя круглые глаза!

– Я маленького роста.

– При чём тут рост?

– Я намного старше тебя.

– Всего на семь лет!

Вздыхает, потом берёт ложку, ест суп. Он научил Синеглазку готовить: плов, шурпа, чимчи, рис-паби.

– Он... русский?

– Да, но...

– Он высокий?

– Какое это имеет значение?

– Ты любишь его?

...

– Ты любишь его?

...

– Бяка, ну скажи, ты любишь его?

– Да, Бяка, я его люблю.

– Какой кошмар!

Они лежат рядом, смотрят на потолок, как будто там показывают фильм. Каждому – свой. Синеглазка видит костёр, быстрые, нежные поцелуи на задней площадке трамвая. Взлёты и падения.

А Брюс, похоже, смотрит на свою уходящую спину.

– Так что теперь? – спрашивает трагическим голосом.

Синеглазка пожимает плечами, но под одеялом этого не видно.

– Давай забудем обо всём. Не бойся, никаких упрёков не будет. Ты – моя жена. Иди ко мне, Бяка.

– Нет, Бяка, я так не могу. Я его люблю.

– Какой кошмар!

Они встретились на следующий день. Скиталец пришёл к Брюсу поговорить. По-мужски.

– Представляешь, Бяка, пришёл с поллитрой! И куда? В Альма Матер!

– А зачем он приходил? – Синеглазка поражена. Он ничего ей не сказал. Пришёл с бутылкой! К Брюсу, который вообще не пьёт!

– Объяснил, что не виноват, что ты сама настаиваешь, липнешь к нему. А он тебя предупреждал, что не готов к серьёзным отношениям.

– Неправда, ты врешь!

– Я никогда не вру, Бяка. И ты об этом знаешь.

Берёт планшет с начатым эскизом, ставит на стул и, обмакнув тростниковую палочку в тушь, произносит, как приговор: «Он не любит тебя. Ты будешь с ним несчастна».

Есть

Уже третий месяц они вместе. Живут в мансарде двора Капеллы, куда Скиталец устроился дворником. В квартире ещё трое: Певица, Скрипач и Угрюмый Мужчина без профессии.

У них – самая большая комната. Так получилось. Из-за этого Певица с ними не разговаривает, а Скрипач нарочито вежлив. Только Угрюмый Мужчина приходит к Скитальцу покутить. Они курят молча, но это доброе молчание.

Скиталец встаёт рано, ещё по-тёмному. Надо расчистить дорожки, пока на пошла толпа на девятичасовую репетицию. Бывает, что и проспит. Тогда Певица перед концертом подлавливает Скрипача в коридоре и визгливо жалуется, что поскользнулась, чуть не упала, что надо гнать дармоеда.

Синеглазка ничего этого не слышит, она весь день в Модном Доме. Выкройки, примерки, капризные манекенщицы. Зато работа в пяти минутах ходьбы. Скиталец из-за этого и выбрал Капеллу.

Вечером встречает её у проходной, и они бродят по улицам. Иногда заходят в пышечную и пьют бочковой кофе с напудренными пышками. Потом идут домой, слушают музыку, читают, занимаются всякими мелкими, повседневными делами.

Скиталец смастерил кровать – крепкую, из дубовых досок. Внизу приладил длинную неоновую лампу. Она соединена с будильником и магнитофоном. Будильник не звенит, он замыкает цепь. Тогда под кроватью вспыхивает голубой свет. Будто волны под кораблём. И звучит «Стена» Пинк Флойд.

Под эту музыку совсем не хочется вставать и бодренько идти на работу. А хочется плыть на самодельной лодке, слушая шум волн и нарастающие крики чаек.

А потом прыгать с утёса. И бесконечно погружаться на глубину.

Уйти от такого «пробуждения» нет сил. Синеглазка частенько опаздывает на работу, ловит косые взгляды, привирает.

Лили живёт с бабушкой. И с папой тоже, но его, как всегда, не бывает дома. Теперь особенно часто. Ведь Синеглазки нет, его никто не встречает, не готовит кукси и лагман, не ждёт на старой оттоманке, чтобы вместе скакать сквозь горькие травы.

На выходные Скиталец забирает Лили и гуляет с ней по городу. Они чудно ладят, им не скучно вместе. Под вечер являются этакими заговорщиками, перемигиваются.

Синеглазка жарит блины, которые куда-то – нет, ну интересно всё-таки, куда?! – быстро исчезают. Она в упор не видит двух приبلудных собак под столом, которые воруют блины и хихикают.

Иногда приходят его друзья. Такие же скитальцы, как и он в прошлом. На столе появляется бутылка портвейна, потом вторая. Синеглазка прячет глаза, тайком плачет в ванной. Скиталец оживлён и разговорчив. Сам жарит картошку, режет селёдку, лук.

Потом берёт гитару и выговаривает под отрывистый бой: «Мы похоронены где-то под Нарвой... Мы были – и нет».

Синеглазка чувствует себя лишней. Она есть – и её нет.

Но вот пришла весна.

Свежий ветер хлопает форточкой, остатки сугробов только за городом. На улицах – чистый, облитый из поливальных машин асфальт.

Она просыпается от музыки Пинк Флойд, неоновом свете, с которым соперничает утреннее солнце.

Рядом никого нет.

Наверно, встал пораньше и пошёл убирать дворы Капеллы. Неужели надел замшевое пальто, которое Синеглазка сшила ещё осенью? И новых ботинок нет.

Она уходит в Модный Дом, но к обеду возвращается.

Нет и не приходил.

Вот оно, началось!

Она ждала этого полгода, накопила ворох обрывочных примет. Забила ими кладовку памяти, повесила бирку «Скиталец» и никогда туда не заглядывала. Просто собирала всё более-менее подходящее. *До поры-до времени.*

И вот это время наступило. Открыть кладовку или нет? А вдруг это сделает её несчастной?!

«Ты будешь с ним несчастна», – каркнул Ворон.

Надо открыть эту кладовку и прикинуть, *что могло произойти.*

О чём он говорил Синеглазке? Ну, тогда, на скамейке.

Он ей не подходит... Он никому не подходит... Жена ушла, не смогла...

– Я вольный ветер, я Скиталец... брожу по свету...

Что он говорил своим друзьям? За бутылкой портвейна.

– Счастливые вы дурачки на меня не глядите я для вас умер.

И ещё фотографии, которые она случайно нашла у него в рюкзаке. Нет, не рылась, просто хотела постирать...

Расска-а-а-зывай!

Он тогда разозлился, она сразу поняла, что зол невероятно. Эти фото – из той его жизни: горы, тайга, палатки, байдарки. Сам нечётко, на заднем плане. Девушки на переднем. Он хранит их лица, крепкие тела...

Стоп! Вдруг с ним что-то случилось, а она тут кладовки разбирает!

Надо бежать, звонить! Но куда? Начинают искать лишь на третий день. И только по заявлению родственников. А она – никто.

Так и скажет: «Я ему никто, но найдите его поскорее».

Много вас таких тут ходит.

Придётся ждать три дня. Ну, или хотя бы до вечера.

А как ждать? Сидеть здесь, под крышей, и прислушиваться к звукам на лестнице? Или дежурить во дворе?

Живете

Синеглазка ждала два дня. Она сидела в мансарде, прислушиваясь к звукам на лестнице. Потом выбегала во двор, стояла у арочных ворот. Мимо неё проходили на репетицию артисты и прочий музыкальный люд. Вечером поток зрителей перегораживал обзор, и она то и дело взлетала на последний этаж: всё казалось, что пропустила его.

На работу не ходила, сказалась больной, но все поняли, чем она больна. Пока выжидали. У любой тяжёлой болезни наступает кризис. Все ждали кризиса.

На третий день Скиталец объявился.

Надо же, она проспала его возвращение! Средь бела дня вдруг отключилась, даже звук открываемого замка её не разбудил.

Он вошёл в комнату, бледно-зелёный, и, не глядя в её сторону, направился к стеллажу с пластинками. Коллекция винила – единственное его имущество.

Синеглазка тихонько плачет. Будто отворились шлюзы, и слёзы полились из глаз бесконечным потоком.

Сидя на корточках, он перебирает пластинки, часть откладывает в сторону. Мурлыкает что-то под нос. Отложенное кладёт в рюкзак, потом снимает со стены гитару, вешает на плечо. И, не оборачиваясь, произносит чужим, безразличным голосом: «Прекращай рыдать. Ничего не случилось. Мне нужно ненадолго уехать».

И вот тут она заревела. В голос, навзрыд.

Рыдала и выкрикивала в уходящую спину: «Катись к чёрту! Сволочь! Подлец! Не появляйся больше!».

Но Скиталец ничего этого не слышит. Длинными ногами он отмеривает путь – первый после долгого перерыва. И весенние облака плывут в его серых, как галечник, глазах.

Прошёл месяц. Газоны покрылись свежей витаминной травой. В кронах стриженных деревьев повисла зелёная дымка. Часы перевели на летнее время.

Скиталец всё не возвращался.

Синеглазка ходит в Модный Дом, делает выкройки, ругается с мастерами из-за неровных швов. Иногда улыбается. Но когда её спрашивают: как дела? – она не знает, что ответить.

Какие у неё могут быть дела? Она превратилась в ожидание. В долгую ноту ля-бемоль. В ручеек текущего бачка.

С работы быстрым шагом – домой. Только мельком взглянуть и назад. Вернее, вперёд. Куда глаза глядят.

Одно плохо – он повсюду. То пшеничная голова мелькнёт, то рюкзак с булавкой вместо молнии. Или в подземном переходе услышит: «Мы похоронены где-то под Нарвой...». Бежит, прорываясь сквозь встречный поток, хотя ни голос, ни манера игры...

Поэтому старается уйти подальше от мест, где они бывали вместе.

Ходит по каким-то гостям, знакомится в трамвае.

Иногда заходит в Альма Матер. Вот окно дипломной мастерской Брюса. Свет горит, значит тут. Кидаёт камушек. Выглядывает длинноволосая голова. В открытую форточку кричит: «Иди сюда, Бяка!».

– А Эрудит есть?

Она поднимается на второй этаж и подходит к двери мастерской. Из неё выбегает девушка, губы дрожат.

– Что ж ты, Бяка, не сказал...

– А, пусть проветрится, остынет. Ну, давай, твой ход, я уже сложил слово.

Они сидят час, другой. Играют и разговаривают. Про его бабушку, которой исполнилось девяносто, про свадьбу младшего брата Кунь-Жуна: ему повезло, не пришлось ждать, *их* свадебные деньги достались.

Хоть кому-то польза от их развода.

Вдруг – камешек в стекло. Подходят к окну – там она, с дрожащими губами. Увидела Синеглазку – убежала.

– Нехорошо, девушку обидели...

– Да ну её! Пристала... Ничего, вернётся. Куда денется... Может, домой пойдём, Бяка? Лили скучает.

– Нет, – вздыхает Синеглазка, – мне надо к себе.

Посмотреть, вдруг Скиталец уже дома.

В темноте коридора взгляд выхватывает полоску света под дверью. Сердце делает перебой. Нет, это у Певицы.

На следующий день, возвращаясь с работы, слышит смех. Поворачивает голову – бог мой, это Лили! На велосипеде с дутыми шинами мчится навстречу. А сзади Скиталец, бежит, придерживая седло.

Так втроём и с велосипедом поднялись наверх. Дочка в центре внимания. Разговаривают с ней, смотрят на неё. Друг на друга – только вскользь.

Лили спит, Скиталец отмокает в ванной. Вот его рюкзак. Надо посмотреть, что там.

Нет, невозможно, будто этот ветхий рюкзачок окружён отталкивающим полем. Даже голова резко заболела.

Она не должна. Если хочет быть с ним... Если хочет, чтобы он...

Расстилает постель, достаёт бутылку вина, припасённого на этот случай, нарезает сыр, докторскую колбаску, зажигает свечи.

А тут и он из ванной с полотенцем вокруг бёдер.

Оно так легко снимается...

Где же он был целый месяц? Где скитался?

Нет, эти вопросы задавать нельзя, если она хочет...

– Где же ты пропадал целый месяц?

Молчит и улыбается, будто не слышит.

– Знаешь, с велосипеда надо снять боковые колёсики. Лили пора кататься на двухколёсном. Завтра сниму.

Потом, будто не заметив её молчания, продолжает: «И вообще, пусть она живёт с нами. Устроим в садик, а пока будет со мной».

Да, с тобой... Сегодня ты есть, а завтра упылишь».

Но вслух говорит другое. Что скоро на дачу с садиком, что там хорошо, Лили нравится воспитательница.

Пожимает плечами – как хочешь.

Синеглазка приходит с работы – в комнате девушка. Волосы светлые, длинные, сама – худоба. Глянула испуганно и поближе к Скитальцу.

– Это Мышка. Ей негде жить. Пусть пока переночует у нас?

– И где она будет спать?

У них одна кровать, а Лили, когда гостит, ночует на детском матрасике.

– Я могу на полу, – с жаром предлагает Скиталец.

А мне, что ли, с Мышкой в одной кровати?

Та срывается с места, хватая сумочку и к двери: «Я пойду к Эмиру!».

– Нет, ты к нему не пойдёшь. Хватит уже, находилась!

Ого, это вроде сцена ревности? При ней?

Да, дождалась...

Они ещё препираются в коридоре. Возвращается один. Лицо злое, глаза прищурены.

– Ну, вот, теперь она снова сядет на иглу! Потасила к этому засранцу за дозой. Что тебе, жалко было её пустить на пару дней?

– Откуда я знала... Может, догонишь, вернёшь?

Зачем она это говорит? Ей же не хочется, чтобы Мышка вернулась.

Но дверь уже хлопнула, побежал догонять. Сейчас приведёт, и ей придётся делить постель с наркоманкой, ещё кормить её. А завтра уйти на работу и оставить *их вместе*.

На шнуре торшера – куколка из ниток мулине. Сегодня утром её здесь не было. Видно, мышастая тварь привязала!

Отрезала и в мусорное ведро.

Скиталец вернулся поздно ночью. Нет, не догнал. Даже у Эмира был и скандал устроил, грозил сдать. Она туда не приходила. Куда попёрлась, дурочка?

Уже лёжа в кровати и обнимая Синеглазку, тянет руку выключить торшер. И замирает.

– Где куколка?

– В ведре.

Молча достаёт и прилаживает на место.

– Это мой талисман. Не трогай.

Спокоен, но больше не обнимает.

Зело

На улицы Города свалилось лето. С крыш домов, с позолоты шпилей.

Горячей жестью, пыльной трухой тополиного пуха.

Раскалённый асфальт жжёт пятки через подошвы сандалий.

Хорошо, что Лили на даче в Солнечной Долине. Там сосны, море, простор.

Они тоже выбирают туда в выходные. Катаются на взятой в прокате лодке, собирают шишки для костра. Скиталец учит Лили плавать, но она не морская девочка, трусит воды.

Возвращаются вечером в мансарду, под железную крышу. Польшает сгоревшая спина.

Скиталец тянется жаркими руками.

– Давай не сегодня.

Едкий пот заливает глаза, сердце бухает, подкатывает к горлу.

Синеглазку рвёт прямо на пол.

– Что с тобой? Ты заболела?

– Нет. Наверно, нет... Я залетела.

Скиталец стоит у окна, курит в форточку. Потом поворачивается, и Синеглазка смотрит в его прозрачные глаза. Они лучатся, улыбаются.

– Здорово, что у нас будет ребёнок.

Ещё ничего не решено. Куда им ребёнка? Жилья нет, её зарплаты едва хватает...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.